

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ

Таинства рифмы

Это не просто словесная игра, но великая, не познанная до конца сила

Виктор Слипичук (на фото) работает в самых разнообразных жанрах: он прозаик и поэт, драматург и эссеист. Беседуем с писателем о книжных ярмарках, собрании сочинений и таинствах рифмы.

– Виктор Трифионович, вам не раз доводилось бывать в разных точках мира с книжной миссией, представляя свои издания, присматриваясь к изданиям разных авторов, встречаясь с писателями. Чем вам запомнились состоявшиеся в конце прошлого года Бакинская и Белградская книжные ярмарки? Можно ли их сопоставить, и если да, то какая отозвалась ярче, дала больше?

– Все ярмарки схожи между собой, потому что в основе их – внешний блеск. Умение в выгодном свете представить ту или иную книгу. И здесь начинаются различия, диктуемые географическим расположением страны и предпочтениями её народа. Мне довелось представлять свои книги во многих странах, и всюду, скажем так, эти два пункта были определяющими.

Конечно, Сербия как православная европейская страна мне ближе. Тем не менее Азербайджан в сравнении с Сербией произвёл на меня более яркое впечатление. И прежде всего, как мне кажется, своим более устойчивым вниманием к русской книге. Имею в виду, что внимание элиты азербайджанского общества к тому или иному русскому произведению легко передаётся, что называется, в народ. И этому содействуют не только СМИ, целые институты задействованы.

В Сербии и других близких нам по языку странах этого нет. Более того, как мне показалось, в последнее время не сербская элита поставляет новинки русского языка в народ, а народ через учителей русского языка (русский изучается в школах как иностранный) оказывает некоторое благотворное влияние на свою элиту. Некоторое – потому что прямая потребность в русском языке в Сербии, находящейся в окружении других европейских стран, нет.

– **Собрание сочинений – в определённом смысле монументальная цель, к которой стремится писатель, одолевая сопротивление материала жизни, превращая его постепено в свои тома. Какие чувства вы испытали, когда вышло ваше собрание сочинений?**

– Собрание сочинений никогда не было для меня ни монументальной целью, ни целью вообще.

Так получилось, что со студенческой скамьи я хорошо читал стихи, и не только свои. И, естественно, выступая с барнаульскими поэтами (Алтайский край), больше всех награждался горячими аплодисментами. Это вызывало ревность и зависть. Именно поэтому некоторые алтайские поэты распространяли мнение, что стихи у меня плохие, но читаю я их настолько хорошо, что любители поэзии не замечают убогости моих строк. Это мнение поддерживалось и книжным издательством. Мои произведения опасались издавать отдельной книгой. Смелая, независимая поэзия, как, впрочем, и проза, тогда были не в чести.

Седьмой том моего собрания сочинений полностью отдан поэзии. В него вошли не только стихи, но и поэмы

и баллады. И я хорошо помню это двойственное чувство: или данная публикация наконец-то принесёт мне признание, или и на этот раз придётся заново доказывать свою литературную состоятельность...

– **Хотелось бы узнать о дополнительном, девятом, томе, в который вошли эссе, посвящённые вашему творчеству, и множество фотографий из разнообразных путешествий. Какие места вам, много путешествовавшему писателю, наиболее близки?**

– Расскажу одну историю. Это случилось в конце девяностых. Писатели-маринисты помогли мне с творческой командировкой: предстояло переправиться через Атлантику на теплоходе «Виктор Ткачёв». Моя задача состояла в том, чтобы интересно написать об этом путешествии для юношеского альманаха «Океан».

У острова Ньюфаундленд мне довелось на рассвете, где-то в четыре часа утра, лицезреть зелёный луч. Редчайшее зрелище. В рассказе «Счастливчик» довольно подробно рассказываю об этом событии.

Вошли в устье судоходной реки Святого Лаврентия и с запада на восток практически пересекли всю Канаду. Пришвартовались в порту города Монреаль.

Мы, несколько человек рядового состава, выбрались в город. Был жаркий июньский день. В парке в прохладном закуточке пацаны попросили меня подождать. Они решили прошвырнуться по магазинам. Я сел на лавочку. Кругом всевозможные цветы, запомнились розовые каллы. Осенние радужной фонтаны в виде огромных чаш... Вода переполняла их, скатывалась на нижние «тарелочки», и всё вокруг: плеск воды, волны радуги, цветы, кроны деревьев, кусты – всё-всё наполнялось и дышало

” Можно очень много добиться, используя рифму. Чингисхан, будучи гениальным, но безграмотным человеком, использовал рифму, составляя свод законов – Ясу. ”

шумом прохлады. И я погрузился в этот шум и стал как бы его частью, полностью слился с ним. И помню вполне отчётливый неожиданный вскрик души: Господи, как хорошо, я – дома!

Может быть, потому что мы тогда жили в Новгороде, меня посетил откровение, что именно таким способом древние строители безошибочно находили места, где надлежит ставить храм.

Глубоко убеждён, что существует особый магнетизм местности, который мы непременно будем учитывать, устраиваясь на жительство на той или иной планете.

– **Поэзия и проза во многом противоречат друг другу, хотя и составляют единое целое литературы. Как вы совмещаете жанры?**

– Всё, что касается творчества, процесс, как мне кажется, настолько личный, что у всех он происходит по-разному. Потому что стихи и проза приходят даже к одному и тому же автору различными путями. В поэзии иногда приходит первая строка или последняя. Или – четверостишие. Слёту запишешь строку и занимаешься дальше чем-то своим, более неотложным. Записи множатся, и через какое-то время (бывает, что через год, а то и два) неожиданно натолкнёшься на прилетевшую строку. Прочтёшь. И вдруг чувствуешь – строка не отпускает...

Иногда таким же образом пишутся и короткие рассказы. Но в целом проза строится на осмыслении событий, людских судеб. В основе поэзии – чувство.

В основе прозы – жизненный опыт. Иногда молодой поэт (по возрасту почти ребёнок) затрагивает в своём стихотворении такие глубинные чувства, что даже семидесятилетнему человеку столь глубокое проникновение кажется чудом. Никакого чуда нет. По Шопенгауэру, чувственная составляющая, скажем так, формируется в человеке до пяти лет.

На мой взгляд, никакого протворения в поэзии и прозе нет. Разность основ – есть, присутствует, но она настолько неуловимо изменчива...

– **Рифма необходима вам? Чем она является – внутренним импульсом, элементом, связующим строки так, чтобы подчеркнуть мысль или выстроить образ? Или просто вариантом сладчайшей словесной игры?**

– Рифма – это созвучие концов стихотворных строк. И, конечно, она является внутренним импульсом, связующим строки, как вы говорите. Но одновременно это и некий вариант словесной игры.

Можно очень много добиться, используя рифму. Чингисхан, будучи гениальным, но безграмотным человеком, использовал рифму, составляя свод законов – Ясу, регламентирующую жизнь монгола. Он считал, что Ясу должен знать каждый монгол наизусть. Чингисхан с детства усвоил, что рифма помогает лучше запоминать текст.

Работая над поэмой «Чингис-хан» и не имея под рукой никаких всеми признанных научных изысканий по этой теме, я сосредотачивался на «поэтическом оснащении» текста. У меня была уверенность, что любые недочёты научного плана легко компенсируются поэтическим великолепием. Вот у Пушкина есть прекрасная рифма «шуба – шума». Надо и мне привести что-то подобное.

В главе четвёртой приводится разговор Чингисхана с великим даосским монахом Чань Чунем, который «На девяти журавлях / Привёз неземную славу». Там есть строки:

*Тебе знать, Каган, не лишне,
Что избран и день, и час,
Когда призовет Всевышний
На Синее Небо нас.*

*Пред ним мы предстанем вместе,
Чтобы держать ответ:
Ты, как монарх, – наместник,
Я, как монах, – поэт».*

Да, это внутренняя рифма «монарх – монах», и мне она очень нравилась и сейчас нравится. Но суть не в этом, а в том, что даосский монах и Чингисхан действительно умерли в один день и час. И я ничего не знал об этом. Тогда не было интернета. Но когда узнал – был ошеломлён... Рифма, как бы сама по себе «ведая» об отношении к ней Чингисхана, преподнесла ему подарок. А нам «...намёк, добрым молодцам урок» о великой, до конца не познанной силе, таящейся в хорошей рифме.

Беседу вёл
Александр Балтин

Полный текст – на сайте «ЛГ»